

СТЕЛЛА ПРЮДОН

СТЕЛЛА ПРЮДОН

МОЛОКО ЛЬВИЦЫ,
ИЛИ Я,
БОРИС ШУБАЕВ

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П85

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Прюдон, Стелла Анатольевна.

П85 Молоко львицы, или Я, Борис Шубаев / Стелла Прюдон. —
Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-117530-6

Роман, сотканный из самого воздуха и культуры Пятигорска, из судеб людей и невероятных пейзажей, из древних легенд этого города.

Борис — младший сын в семье, долго не мог заговорить. И только любовь к музыке помогла ему преодолеть врожденный недуг. Но, может быть, это была и любовь к женщине? Жена старшего брата, столь не похожая на всех, кого знал Борис, изменила его судьбу. Но на этом пути в живых остались не все...

Настоящая, полнокровная и яркая проза, которая понравится поклонникам творчества Наринэ Абгарян.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117530-6

© Прюдон С., текст, 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

ЗУМРУД

1

Спустя месяц после того, как Зумруд Рафаилова в возрасте шестнадцати лет осталась круглой сиротой, неожиданно свалившись на голову живущего в Нальчике дяди Соломона, ей стали подыскивать подходящего жениха. Единственным приданым Зумруд была её красота — сокровище, унаследованное от матери. Дядя считал, что оно может обеспечить ей достойное будущее, если она найдёт в себе силы им правильно распорядиться, однако сможет она или нет — не знал никто. Красота Зумруд была переменчивой, словно погода: солнечный и ясный день в одно мгновение мог стать душным, невыносимым, чёрным от нависших туч. И предсказать, в какой момент ухудшится погода, не мог никто. Из зеленоглазой восточной красавицы Зумруд вдруг превращалась в жалкое серое существо, забивающееся в самый дальний угол дома, чтобы не попасться никому на глаза. Жена дяди, тётя Мильке, говорила, что в такие моменты Зумруд как будто покидает их дом и внутренне уходит во власть злых сил: прекрасное лицо её кор-

чилось и желтело, а зрачки пребывали в суматошном танце, не останавливаясь ни на миг ни на одном предмете. При этом она постоянно чесала голову, как если бы в волосах завелись вши. Эти перемены так пугали тётю Мильке, что она подключила все свои связи, чтобы найти ей мужа, но в Нальчике все слишком хорошо знали их семью, поэтому выдавать её замуж следовало в другой город. Надо было очень торопиться. Ведь пока эти моменты случались редко и длились недолго, но может статься, что через пару лет от красоты не останется и следа. Пока же Зумруд была молоденькой хохотушкой, пока жизнь казалась ей яркой и полной света, всё казалось возможным. Она была уверена, что предназначена счастью — такому великому, безграничному счастью, которое заставит её вознестись к самым крайним пределам этого мира. Она ненавидела себя ту — грустную, молчаливую, уродливую — и если бы могла, умертвила бы её, сожгла бы лягушачью кожу и оставила бы себе лишь ту деятельную красавицу, которая успевала за месяц сделать столько, сколько другие не успевают за год. В такие дни Зумруд не знала, что такое плохое настроение, и даже недавней смерти родителей она могла смотреть в глаза, принимая её как данность. Жизнь продолжается, говорила она, и живые должны жить и радоваться, не смотря ни на что. Она шутила, хорошо училась в школе, помогала тёте по хозяйству, мало ела и почти не хотела спать. В один из таких дней к дяде по делам зашёл Захар Шубаев, визитёр из Пятигорска. Они пили чай и обсуждали дела, а Зумруд им прислуживала,

как вдруг Захар спросил, не думают ли они выдавать Зумруд замуж.

— За кого? — спросил дядя.

— За меня, — ответил Захар.

Повисла неловкая пауза. Только бог знал, как сильно дядя хотел выдать замуж свою болезненную племянницу. Однако маленький, некрасивый, бедный Захар Шубаев казался настолько неподходящей кандидатурой, что дядя проглотил язык. Поэтому он вышел покурить, оставив гостя сидеть одного в комнате, а когда вернулся в дом, пошёл напрямик на кухню, узнать у Зумруд, что она думает о сидящем в гостинной парне. Зумруд без промедления ответила, что он ей нравится: у него хорошие глаза и сильные руки.

Когда дядя вернулся в комнату к поникшему Захару и сказал ему, что единственным приданым Зумруд будет её красота, тот был в восторге. Неужели ему отвечают согласием? Он не мог поверить своим ушам, но уже к вечеру того же дня на безымянном пальце Зумруд сверкало золотое колечко с крошечным бриллиантом. Между обручением и свадьбой прошла всего одна неделя, и всю эту неделю Захар пребывал как во сне. Красота избранницы и пленила, и пугала его, но он отмахивался от страхов, представляя себе, как все вытаращат глаза от удивления и зависти, когда он привезёт Зумруд в Пятигорск. В том числе Дадашевы, которые устраивали для его сватовства к своей дочери непреодолимые препоны; теперь-то они будут кусать локти и жалеть об упущенном женихе. А нечего было откладывать обручение, набивая себе цену, парал-

лельно подыскивая более выгодную партию для своей с каждым днём теряющей молодость дочери с длинными ногтями и крашеными ресницами. Совсем другое дело — Зумруд. Нежная, скромная, серьёзная. Когда она улыбается, света в комнате становится столько, что кажется, солнце сошло. Когда Захар приехал во второй раз, чтобы договориться о свадьбе, Зумруд была в чёрном платье, волосы убраны в платочек; она показалась ему ещё красивее, чем в первый раз, и невероятно хрупкой, и эта хрупкость так пленила Захара, что он без сомнений принял предложение дяди сыграть свадьбу тихо и в самом узком кругу. Он понимал, что Зумруд в трауре, поэтому сразу согласился, лишь бы не ждать год, и уже через неделю стал женатым мужчиной.

Поскольку о свадьбе знали лишь считанные единицы, некому было рассказать Захару правду о другом наследстве Зумруд, но когда он привёз молодую жену в родной Пятигорск и объявил о своём новом статусе, его встретили не поздравлениями, а сочувствием. Захар был обескуражен. Почему его не поздравляют — громко, весело, пусть порой и бестактно, с красавицей женой? Почему его жену как будто не замечают? Почему его приятели общаются с ним так, словно он по-прежнему холостяк, предлагают пойти по девочкам? Ответ пришёл очень скоро. Его брат Натан пришёл к нему и, даже не заходя домой, произнёс речь, лишившую Захара сна на несколько дней.

— Представь, что ты хочешь купить машину, — сказал он, затягиваясь сигаретой. — Ты десять лет

МОЛОКО ЛЬВИЦЫ, ИЛИ Я, БОРИС ШУБАЕВ

копишь деньги на подержанные «Жигули», но когда приходишь за ними, тебе за те же деньги отдают новенький серебристый «Мерседес». Трудно представить? Ты подумаешь, что в этом есть какой-то подвох. Если у тебя есть голова на плечах, ты от такого щедрого подарка откажешься. Так и с женой. Тебе не отдали в жены дурнушку Дадашевых, выставив кучу условий, и вдруг просто так, безо всяких условий, отдают красавицу. Я бы задумался.

Очень быстро нашлись доброты, рассказавшие Захару, почему именно Зумруд так торопились сбыть с рук. Кажется, все, кроме него, знали историю семьи Рафаиловых. Например, то, что Зумруд была не единственным ребёнком своих родителей. Двое её братьев умерли в младенчестве от какой-то генетической болезни, а третий брат был жив, но от этого не становилось легче, потому что жил он в психиатрической лечебнице. Когда Захар узнал правду, он почувствовал себя обманутым, растоптанным. Зумруд и её родственники утаили эту информацию от него, выдавая её замуж втихаря, обосновывая это тем, что у Зумруд — траур. А вдобавок выяснилось, что родители её погибли при весьма загадочных обстоятельствах. Мать Зумруд все последние годы устраивала отцу безумные сцены ревности и грозилась выколоть ему глаза, если он посмеет взглянуть на другую женщину. Отец называл её сумасшедшей, больной, истеричкой, отчего она ещё больше бесилась. В конце концов отец получил согласие у раввина на развод — ведь никто не может заставить его жить с пси-

хически больной женой — и объявил жене о своём уходе. Зумруд помнила, что мать в одночасье стала нежной и доброй и попросила его напоследок проведать вместе сына, чтобы тот не узнал о их разводе. Он согласился, но на обратном пути отец почему-то потерял управление и врезался в столб. Оба погибли на месте.

Захар чувствовал, что вокруг него будто бы очертили круг, за который никто не хотел заходить. Каждый день до него доводили новые и новые сведения, суть которых сводилась к следующему: «И алкаши там были, и наркоманы, и дебилы. Не дай бог». Захар всматривался в Зумруд, а та лишь отводила взгляд в сторону. А когда ему всё-таки удавалось заглянуть ей в глаза, виделось ему в её взгляде теперь лишь мутное болото, а не прекрасный сияющий на солнце изумруд, как прежде. Захар боялся, что трясина вот-вот поглотит его с головой, если он не предпримет решительных действий, но не знал, что можно сделать. Спустя три месяца из Москвы приехала сестра Захара Мина, оставив троих детей на мужа. Дело было срочное, и муж сам настоял, чтобы она уладила вопрос. Слухи о больной жене Захара дошли и до Москвы. Мина плакалась: как же так, люди от нашей семьи отвернутся, здороваться перестанут. А когда она детей-дебилов понесёт, пиши пропал. Захар был растерян, подавлен; он то соглашался с Миной и обещал в ближайшее время отвезти Зумруд обратно в Нальчик, то бродил в нерешительности и не мог сделать ничего. Вспоминая спустя годы

о том времени, Зумруд с нежностью думала о растерянности и подавленности Захара, о его мучительной борьбе с самим собой, о его нежелании расставаться с ней. И со временем она научилась подавлять в себе злость на мужа, вспоминая тот его взгляд, полный боли, сочувствия и отчаяния, когда он смотрел на неё. Не будь Захар добрым человеком с чистой душой, он бы сразу поддался на уговоры Мины отвезти её обратно в Нальчик, вернуть родне, как дефектную.

— Никто из нашей родни не видел вас под хупой, — убеждала Мина растерянного Захара, — знает, и не было никакой свадьбы.

— Но я-то знаю, что свадьба была, — возражал Захар. — К тому же, если её мать была душевнобольной, это не значит, что и она такая. Она выглядит здоровой.

— Ну пока, может, и выглядит здоровой, но это лишь ширма. Через год-два это будет очевидно всем, и в первую очередь тебе. Разорви этот союз, пока не поздно, пока вы ещё не наплодили потомство, пока твоими глазами не смотрит на тебя урод.

В конце концов первой не выдержала Зумруд. Она сама собрала свой чемодан и попросила Захара отвезти её в Нальчик. Ехали молча, но на полпути она попросила отвезти её не в дом родни, а по другому адресу.

— Хорошо, — ответил Захар и послушно поехал по указываемому Зумруд пути. Они долго петляли по просёлочным дорогам и наконец нашли нужный им

дом. Это было небольшое и довольно мрачное деревянное строение за крепким металлическим забором. Захару бросилось в глаза несоответствие между хибарой, часть которой он мог видеть через забор, и новенькими сияющими воротами. Зумруд уже открыла дверь машины, но Захар остановил её.

— А кто там живёт? — спросил он.

— Знакомая моей матери, — ответила Зумруд.

— А зачем тебе к ней? — не понимал Захар.

Зумруд снова закрыла машину. Она не отвечала. Захар пристально посмотрел на неё. Он понимал, что видит её, возможно, в последний раз, и хотел насмотреться. Лицо её было спокойно. Она всматривалась сквозь запотевшее стекло на заснеженную улицу. Руки Зумруд лежали крест-накрест на животе. Захар посмотрел туда же, куда смотрит Зумруд, но увидел только мутное стекло. Что в нём можно рассмотреть? Захар взял тряпку и нагнулся к Зумруд, чтобы протереть стекло. Зумруд вздрогнула от его прикосновения, ещё крепче ухватилась за живот. На лице у неё появилась тревога.

— Зачем тебе к ней? — переспросил Захар.

Нехотя Зумруд ответила. Слова её подпрыгивали, словно неумелый всадник на лошади.

— Она... поможет... избавиться... от бремени. Она и матери моей помогала.

— Что? — не понял Захар. — От какого бремени?

Зумруд хотела что-то сказать, но лишь посмотрела Захару в глаза. Её взгляд был блестящий и острый, словно хорошо наточенный нож. Захар положил го-

лову на руль. Они молча сидели несколько минут, прежде чем Захар спросил:

— Как это может быть? Почему ты мне раньше не сказала?

— Я поняла лишь вчера, — ответила Зумруд. — Мне понадобится немного денег. Я потом сама вернусь к родным.

Захар достал из бардачка кошелек и протянул Зумруд. Зумруд взяла деньги и вышла из машины. Хруст под её ногами напоминал Захару о радости, с которой он в детстве встречал первый снег, когда они с братьями выбегали во двор и до вечера играли в снежки, пока лицо не становилось бордовым от холода, а руки не превращались в ледышки. Сколько радости приносили эти редкие зимние дни. Захар знал, что теперь первый снег будет значить для него совсем другое. Он сделал резкое движение, хотел открыть дверь, догнать Зумруд, посадить в машину, чтобы подумать над дальнейшими действиями, но времени думать не было. Он слышал, как Зумруд колотит своими маленькими ручками по калитке. Что, нельзя было поставить звонок? Он закрыл глаза. Он представил себе, что всё это — сон: и Зумруд — сон, и его женитьба — сон, и эта поездка — сон. Страшный, кошмарный сон. И совсем скоро он проснётся и всё будет как прежде. Он вернётся к своей холостяцкой жизни, его снова начнут замечать, и он попробует загладить вину перед Дадашевыми: отправит к ним сестру Мину, которая способна продать даже прошлогодний снег. Она распишет все его качества, расскажет о его перспективах

на будущее, отыщет понимание за ошибки молодости и за горячность, с которой он наспех женился («Кто из нас не совершал ошибок по молодости?»), даст понять Дианочке Дадашевой, что в ней, и только в ней, единственное спасение её непутёвого брата. Дианочка будет польщена и пообещает подумать. Ей очень захочется стать спасительницей погибшей души. Он не успеет оглянуться, как окажется мужем другой. У Дадашевых хороший род. Он и его дети будут крепко стоять на ногах. Скорее бы только закончился этот кошмар. Кто-то постучался в окно его машины. Захар вздрогнул от неожиданности, протёр стекло, приоткрыл окно. Перед ним стояла толстая косоглазая женщина и тулупе, держа в руках его кошелёк. Он протёр глаза и огляделся. Зумруд, дрожа от холода, стояла у калитки.

— Это шо такое? — спросила женщина, размахивая кошельком.

— Это — деньги, — Захар сглотнул слюну. — Двести рублей. Если мало, я на следующей неделе ещё могу завезти.

— А ну-ка выходи из машины, — строго произнесла женщина. В её голосе было столько властности, что Захар не осмелился перечить и послушно вышел. — Давай, давай.

Она отошла с ним на несколько метров, чтобы их не слышала Зумруд.

— Ну, рассказывай. Шо стряслось? Почему она приехала сюда? Во грехе зачали и скрыть хошь от жены?

МОЛОКО ЛЬВИЦЫ, ИЛИ Я, БОРИС ШУБАЕВ

— Нет... она... она и есть моя жена. Пока. Но это была ошибка.

— Та-а-к. Это уже интересно. Ты себя видал в зеркало? Если не видал — я тебе покажу. А её видал? Шо в этой девке не так? Кровь с молоком, редкостный цветок. Шо не так?

— Она — душевнобольная.

— Признаки!

— Что? — не понял Захар.

— Симптомы какие? Истерики устраивает? Выдаёт себя за другого?

— Да нет, пока ничего такого не было. Но у неё мать больная и брат. Говорят, это наследственное. А я не хочу уродов в своём роду. Я хочу здоровое потомство. От меня скрыли...

— Слушай меня, парень! — Женщина обхватила предплечье Захара мясистой рукой. — Если её мать болела, это ещё ничего не значит. Она-то здоровая. Значит, и ребёнок здоровый будет. Я ещё могу помочь избавиться от ребёнка, который зачат во грехе, или если родители — пьянь и отморозки, но брать грех на душу и убивать здоровый плод я не намерена. Ты понимаешь, что она после этого вообще детей не сможет иметь? Ты не только своего ребёнка убьёшь, ты ещё чистую душу девочки искалечишь. Ради чего? Ради каких-то слухов? А кто поручится, что с твоими генами всё хорошо? Небось на двоюродных сёстрах женитесь? Знаю я ваших, все меж собой переженились... а коли обновлений в роду нет, вот тебе и гены порченые.

Перейдя на мягкий тон и разжав пальцы на его предплечье, она продолжила.

— Родится больной ребёнок, отдашь на воспитание, а Зумруд вернёшь родне. Никто тебе слова поперёк не скажет. А вот так ни с того ни с сего ломать девке жизнь я не дам. Ну потерпи, милок, ещё шесть месяцев. Здесь денег много, можешь дом ей снять в хуторе, чтоб никто не знал, что она носит. Я бы у себя оставила, но у меня семеро по лавкам. А ты человек, вижу, добрый, раз такая красавица за тебя пошла. Дай бог, чтобы она не ошиблась.

Женщина взяла его холодную ладонь в свою и вложила в неё кошелек. Потом она подошла к Зумруд, взяла её под локоть и отвела до машины, заставила сесть на переднее сиденье.

— Изжай домой, мамка. Нечего тебе дурью маяться, по холодным и тёмным закоулкам слоняться. Не одна уж небось. И добавив куда-то в сторону: «Боже, храни её дитя», захлопнула дверь машины.

2

Обратная дорога в Пятигорск запомнилась Зумруд на всю жизнь. Это были самые тяжёлые два часа в её жизни. Даже после смерти родителей ей было не так одиноко, как в эти ужасные два часа. Она возвращалась домой — но был ли это её дом? Был ли человек рядом с ней её мужем? Она чувствовала себя преступницей, но искупить вину она не могла. Единственное,

МОЛОКО ЛЬВИЦЫ, ИЛИ Я, БОРИС ШУБАЕВ

чего ей хотелось — отмыться. Смыть с себя всё своё прошлое, настоящее и будущее, и как только они приехали домой, она выбежала из машины и, минуя ошарашенную сестру Захара, побежала в ванную. Она открыла кран и долго мыла лицо, руки, голову, по меньшей мере сто раз; она намыливала руки, шею, лицо и смывала мыло, вода при этом становилась всё горячее и горячее, она тёрла и тёрла, пока кожа не стала шелушиться. Когда она вышла из ванной, она услышала, как в одной из комнат ругаются Захар с сестрой, она закрыла уши руками и выбежала из дома — на летнюю кухню. Там было не так тепло, как дома, но зато тихо. Здесь никому не придёт в голову её искать, ведь стояла зима. Она встала на колени в самом углу и, качаясь, произнесла свою первую в жизни молитву. «Худо, — сказала она, — бийли варусуге хеме. Мэ нейхостенум дые пойсте э индже»¹. Она долго произносила эти слова, прижавшись щекой к потрескавшейся стенке, а очнулась лишь ночью, потому что её за плечо тряс Захар.

— Где твой паспорт? — услышала она холодный и деловой голос мужа.

— В моей сумке, — еле слышно ответила она.

Захар вернулся к ней лишь наутро. Она лежала, свернувшись калачиком, прямо на полу. Он велел ей встать и привести себя в порядок. Чемодан собирать не нужно — он уже собран и лежит со вчерашнего

¹ Боже, пусть это закончится, я не хочу здесь больше оставаться. — Пер. с горско-еврейского.

дня в багажнике. Пока она поживёт у Мины в Москве, а когда родит, ребёнка отдадут приёмной семье, а её вернут дяде. Таков план.

Шесть месяцев Зумруд жила у Мины. Она всё больше молчала. Когда было нужно — помогала по дому, а когда о ней предпочитали забыть, становилась невидимой и сутками не появлялась на глаза. Она сильно осунулась и побледнела и совсем не походила на ту румяную красавицу, в которую когда-то без памяти влюбился Захар, и Мина не могла взять в толк, что такого нашёл в Зумруд её брат. Лишь изредка, после долгих прогулок по городу, Зумруд возвращалась домой с блеском в глазах и с неявным подобием улыбки на лице. Черты её разглаживались, кожа белела, взгляд прояснялся, красавица в ней как будто подмигивала и издалека махала красным платочком. Недурна, думала про себя Мина, но тщательно скрывала свои мысли. Когда пришло время рожать, Мина отвезла Зумруд в роддом к знакомому врачу, с которым уже договорилась о том, под какой фамилией надо будет записать ребёнка. После больницы Зумруд должна была налегке вернуться к родне — как и уехала год назад — с одним чемоданом. Но едва Мина выпроводила Зумруд, из Пятигорска без предупреждения приехал Захар и возбуждённым голосом потребовал показать ему ребёнка. Он пообещал, что только поглядит на ребёнка одним глазком и уедет; он просто хотел удостовериться, что с Зумруд и ребёнком всё хорошо.

— Дурачок ты, — сказала Мина, но напору брата поддалась.

Спустя час Захар держал на руках сына — на него смотрел мальчик, в котором он увидел ожившую фотографию себя в младенчестве. Он долго допытывался у врача, есть ли у ребёнка какие-то патологии, и врач нехотя отвечал, что патологий нет, ребёнок абсолютно здоров. И хоть это уже и не его ребёнок, так как записан на другое имя, он отвечает на его вопросы из уважения к его сестре, хоть и не должен. И лучше бы он позаботился о матери ребёнка, которая не ест и не пьёт, а только всё время плачет, и недолго час, помешается рассудком. Захар решил, что на следующий день они с Зумруд и ребёнком вернутся в Пятигорск — если только она его простит — и попробуют восстановить разрушенное счастье.

Зумруд его простила. Она стала ему отличной женой, аккуратно и экономно вела хозяйство, воспитывала маленького Гришу и очень вкусно готовила. Поначалу ему казалось, что из-за жены к нему относятся с подозрением, что стеклянная стена между ним и миром не хотела расступаться, но он решил, что больше никогда не будет предъявлять Зумруд никаких претензий из-за её родни и никому не позволит говорить о ней и его сыне с пренебрежением, и перестал интересоваться чужим мнением, как будто это он сам воздвиг стену. Ведь не могут глаза так обманывать! Зумруд родила ему здорового сына, вылитую копию его, смотрела на него кротко и преданно, никогда не повышала голоса, соглашалась со всеми его решениями, говорила мало и по делу. Только на Захара она смотрела и только его видела. Он впервые в жизни стал носить

идеально отглаженные брюки. В заброшенном некогда саду Зумруд завела огород, выращивая огурцы, помидоры и зелень к столу, а всё остальное пространство сада усадила цветами. И вскоре после их возвращения из Москвы дела Захара пошли в гору. Через нальчинского дядю Зумруд он вышел на прямые поставки дефицитных тканей и стал хорошо зарабатывать на торговле, а поскольку Зумруд не хотела сидеть без дела, она стала шить из обрезков пододеяльники и халаты. Это навело Захара на мысль, что он мог бы зарабатывать ещё больше, открыв швейный цех. В семье наконец стали появляться свободные деньги, тут и там возникали тайники, полные драгоценностей и купюр. Потихоньку дом их начал полниться гостями — сначала это были лишь родственники Захара, которых Зумруд принимала как королей, а потом стали заходить и друзья, и партнёры, и просто знакомые. Даже Мина вынуждена была признать, что жизнь с Зумруд сгладила все острые углы характера Захара. А что до обнаружившейся новой потребности Зумруд молиться — так это может быть и к лучшему. «Хоть один набожный человек в семье». Красота и доброта Зумруд никого не оставляла равнодушным. Друзья и знакомые вскоре признали, что Захар вытянул свой главный лотерейный билет. Жизнь их складывалась вполне счастливо, вот только второго ребёнка никак не появлялось.

Двадцать лет Зумруд пыталась забеременеть во второй раз, но тщетно. К кому только она ни ездила, каких только снадобий ни принимала, сколько ни